

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОМ, КАК СОВЕТСКИЙ МАРКСИЗМ ПОРОДИЛ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГЕРМЕНЕВТИКУ

ВОЛКОВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА

Кафедра экономической теории и национальной экономики, экономический факультет, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», ул. Астраханская д. 83, г. Саратов, 410012, Россия, e-mail: volkova06478@yandex.ru, +7 (953)-979-15-40

ФЕНИН КИРИЛЛ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Кафедра экономической теории и национальной экономики, экономический факультет, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», ул. Астраханская д. 83, г. Саратов, 410012, Россия, e-mail: fenin.kir@yandex.ru, +7(905)-326-98-33

Аннотация

В статье анализируются факторы возникновения и развития, то есть генезиса экономической герменевтики. Кратко описана траектория развития российской (советской) экономической науки. Критическому переосмыслению подвергаются стереотипные представления о тотальной идеологической унификации экономической науки в СССР в период доминирования советского марксизма. Показано, что советская политическая экономия представляет собой интересный сложный частный случай развития экономического научного знания, к которому предъявлялись специфические политические требования от государственных властных структур. В дополнении к проблеме генезиса экономической герменевтики в СССР рассмотрены условия зарождения и развития аналогичного научного направления на Западе (в США) в рамках (нео)австрийской экономической школы как возможной реакции на догматизм неоклассического мейнстрима. Описано неоднозначное отношение к экономической герменевтике среди некоторых ученых-экономистов. Исследуются общие причины консерватизма истеблишмента экономической науки. Сделано предположение о наличии сходных черт между марксизмом и неоклассической теорией. Доказано, что экономическая наука по своей природе герменевтична, поэтому появление экономической герменевтики было вполне закономерным. Предложено иное объяснение генезиса экономической герменевтики как реакции, следствия наступления эпохи постмодернизма. Учреждение Премии Шведского государственного банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля также интерпретировано авторами как следствие доминирования научно-культурной парадигмы постмодернизма. Отмечено, что экономическая герменевтика является важным дополнением ко всем направлениям экономической науки, сохранение и приумножение разнообразия которых позволит постичь многие ключевые проблемы нашего времени. Материалы статьи могут быть использованы для преподавания истории экономической мысли.

Ключевые слова: российская экономическая школа; советский марксизм; экономическая герменевтика; мейнстрим; научный потенциал.

*... К. Маркс говорил о французских «марксистах» конца 1870-х годов: «Я знаю только одно, что я не марксист»
© К. Маркс (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 37, с. 370)*

Введение. Изучение истории экономической мысли, предполагает кропотливый анализ большого объема академических экономических текстов, подчас отличающихся архаичными

стилем изложения и сложным содержанием. В связи с этим особое значение приобретают проблемы понимания и интерпретации трудов выдающихся мыслителей и экономистов прошлого. Инкорпорирование в современную экономическую науку достижений предыдущих поколений исследователей может быть осуществлено посредством герменевтики – изначально искусства толкования древних текстов, разных языков, смысла изречений мудрецов. В Средневековье объектами толкования преимущественно были религиозные сочинения¹, но потом к ним прибавились и светские трактаты. Сам термин «герменевтика» происходит от имени персонажа древнегреческой мифологии Гермеса, который исполнял обязанности посредника между богами и людьми, истолковывал смертным повеления богов, а олимпийцам пересказывал человеческие просьбы. Дальнейшее развитие расширило сферу интересов герменевтики и оформило её в XIX в. в самостоятельное философское направление [1, с. 6]. Удовлетворяющим требованиям данного исследования можно признать определение экономической герменевтики как «теории и практики толкования, интерпретации, искусства понимания текстов, гипертекстов, экономических понятий и явлений с целью постижения их смысла сквозь призму культуры, эмоциональной и компетентностной сферы, личного и исторического опыта субъекта понимания и преобразования их в информацию в определенном контексте, используемую для принятия решений в бизнес-процессах», предложенное российскими учеными-экономистами С.В. Бегичевой и Д.М. Назаровым [2, с. 24].

Основная часть. Генезис экономической герменевтики как «побочного продукта» развития советского марксизма весьма примечателен. Впрочем, сама отечественная экономическая школа, которая, по мнению Л.И. Абалкина, сложилась в конце (в последней трети) XIX в. являла собой интереснейший культурный феномен. Первый этап развитие российской экономической науки, пришедшийся на 1870-1890 гг., выражался в переосмыслении и преломлении ценностей немецкой исторической школы и марксизма. Причем данное культурное «переваривание» идей иностранных экономистов было столь успешным, что позволило в начале XX в. российской экономической науке выйти на европейский уровень: можно вспомнить хотя бы работы М.И. Туган-Барановского, которые переводились на иностранные языки. Второй этап развития аутентичной российской («предсоветской») экономической школы, приходящийся на первую треть XX в. строился как критическое восприятие инноваций теоретических школ марксизма и маржиналистских постулатов раннего (ортодоксального) неоклассицизма. Тогда же в 1920-1930 гг. начался этап политизации российской экономической школы. По мнению Л.Д. Широкограда и В.В. Леонтьева, никогда ещё до этого времени государственная идеология не внедрялась в науку столь бесцеремонно и со столь разрушительными последствиями. В период НЭПа ещё существовала объективная возможность для дискуссий по некоторым аспектам марксизма, а также по вопросам экономического развития страны, хотя идеологические границы для проведения такого рода дискуссий были весьма узкими. Затем с конца 1920-х гг. и до 1950-х гг. советская экономическая наука оставалась неподвижной и, по существу, бесплодной – «громоздким, бесстрастным и непоколебимым памятником К. Марксу, который

¹ Христианские тексты, и, начиная с эпохи Возрождения, светские литературные тексты, традиционно допускали четырехуровневую теорию интерпретации, которая включала буквальное, аллегорическое, моральное и анагогическое истолкование. К примеру, очевидно, что буквальное понимание одной из самых знаменитых метафор в экономике – «невидимой руки» А. Смита лишено всякого смысла. Для выделения смысла, который пытался вложить в свое произведение А. Смит, требуется как минимум аллегорическое толкование некоторых фрагментов «Богатства наций». К слову, если использовать образные сравнения, то «Богатство наций» А. Смита в каком-то смысле можно сопоставить с Новым Заветом Библии. Действительно, если меркантилизм – это Ветхий Завет – «суровое доктринальное учение о том, что от торговли выигрывает лишь (бого)избранный народ – одна страна, носившее сугубо национальный характер», то «космополитичная», эгалитарная классическая политэкономия «Богатства наций» А. Смита сняла противоречия между человеком и обществом, между отдельными странами, провозгласив идею о том, что от торговли выигрывает каждый.

поддерживался множеством хранителей и у подножия которого время от времени проходили вереницы людей, преисполненных чувством долга» [3, с. 86; 4, с. 78, 79, 80; 5, с. 216].

Однако описанные выше взгляды выдающихся научных деятелей на развитие советской политэкономии сами страдают от одномерной идеологии. Несмотря на стереотипное мнение о том, что в СССР экономическая наука была «раздавлена» политикой, можно выделить, по крайней мере, одно очень успешное научное направление, пережившие «идеологическую унификацию». Данное направление – математическая экономика, которая по понятным причинам сравнительно мало пострадала от гнета идеологии, что подтверждается Нобелевской премией по экономике 1975 г., врученной математику Л.В. Канторовичу за «вклад в теорию оптимального распределения ресурсов», то есть за работы в области линейного программирования, написанные им еще в 1939 г. Воистину, сложно себе вообразить еще более релевантный и однозначный пример признания достижений советской экономической науки со стороны мирового сообщества, точнее, той его части, которая была идеологически антагонистичной Советскому Союзу [6].

Кроме того, по мнению П.А. Ореховского, во времена господства марксизма в России экономический дискурс допускал вариативность как в терминологии, так и в способах высказывания. Советская научная школа, по крайней мере, некоторые её представители давали себе отчет в том, что факты интерпретируются исходя из парадигмы, которой придерживаются исследователи. Интеллектуальный багаж советских экономистов был обширным. И очень часто советские ученые отдавали должное даже «буржуазным экономистам». Ярким примером этого может быть оценка А.В. Аникина идей А. Смита. В своем замечательном произведении «Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса» А.В. Аникин писал, что *«хотя А. Смит требовал свободы действий для капиталистов, надо помнить об эпохе, когда он творил – в то время британский рабочий класс страдал еще не столько от капитализма, сколько от его недоразвитости, поэтому требования шотландского философа были прогрессивными и гуманными»* (курсив наш – А.В., К.Ф). Кроме того, тот же В.В. Леонтьев признавал, что «советские экономисты не были утопистами, они активно толковали труды К. Маркса и В.И. Ленина» [5, с. 217; 7, с. 99; 8, с. 25, 201].

Как раз таки в условиях доминирования марксизма в СССР сформировалась среда, приведшая в последующем к жизни новое научное направление – экономическую герменевтику. Запрос на толкование трудов К. Маркса для их функционального использования в первую очередь шел от властных структур, которым нужно было объяснить различные отклонения от канонического учения проводимой на практике экономической политики². Причем, иногда интерпретацией занимались сами представители власти. Скажем, В.И. Ленин в сентябре 1913 г. (до Октябрьской революции) провозгласил, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, и даёт людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием». А уже после революции, в период НЭПа, (27 марта 1922 г.) В.И. Ленин несколько изменил риторику, отмечая, что «... К. Маркс писал не про Россию, а про весь капитализм в целом, начиная с XV в. На протяжении шестисот лет это было правильно, а для России теперешней неверно» [6, с. 149, 153]. Или, например, размышления И.В. Сталина о необходимости устранения товарного производства, после национализации средств производства, то есть о формуле Ф. Энгельса. Советский руководитель в своей монографии «Экономические проблемы социализма в СССР» отмечал, что «формулу Энгельса нельзя считать вполне ясной и точной, так как в ней, нет указания, идёт ли речь о взятии во владение общества всех средств производства или только части средств производства... Значит, эту формулу Энгельса можно понять и так, и этак» [7, с. 10-11].

² Отметим, что данные отклонения были неизбежными, поскольку, как метко отметил Г. Мюрдаль, лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 г., К. Маркс не был плановиком. От себя добавим, что К. Маркс был еще и финансово неграмотным, что отражено в его многочисленных биографиях.

Разумеется, приведенные выше пассажи относительно К. Маркса и Ф. Энгельса могли позволить себе преимущественно власть имущие. В академической среде поддерживался статус непогрешимости теории марксизма, что на самом деле изначально противоречит природе и духу научного знания. Однако интерпретация текстов все-таки допускала возможность развития науки. По мнению В.Т. Рязанова, «советская герменевтическая практика» трактовала марксистское наследие по аналогии со Священным Писанием, которое не подлежит ревизии и только может истолковываться в целях обнаружения невыявленного ранее какого-либо значения или интерпретироваться с учетом возникших новых обстоятельств. Как раз таки подобная практика истолкования трудов К. Маркса и Ф. Энгельса позволила развиваться экономической герменевтике, предполагающей использование различных техник и процедур глубокой философской и лингвистической интерпретации экономических текстов, которые сложились в теологии, и были успешно транслированы в область рационального знания. В качестве интерпретируемых проблем выдвигались соотношение марксизма с ленинизмом, троцкизмом, маоизмом и т.п. или соотношение «раннего» и «позднего» К. Маркса, а также противоречия между первым и третьими томами «Капитала» и т.д. [11, с. 59, 60; 12, с. 11].

Результатом сложения или построения вышеописанных условий и стал генезис экономической герменевтики в советской научной среде. Хотя до распада СССР, пожалуй, не было публикаций, которые стилистически бы отразили рождение новой научной дисциплины: вероятно, первая такая работа «О толковании трудовой теории стоимости: экономическая герменевтика» была издана Г.А. Черемисиновым только в 1994 г. [9].

На этом можно было бы завершить статью, однако полноценный анализ генезиса экономической герменевтики невозможно осуществить только лишь посредством описания специфики советского марксизма. Удивительно, но в 1980-х гг. в западной, или как бы выразились советские ученые, в буржуазной экономической теории также сложились условия, которые привели к жизни экономическую герменевтику. Данное научное направление на Западе зародилось в недрах австрийской экономической школы в то время, когда, согласно М. Ротбарду и Л. Лахманну, мейнстрим (неоклассическая парадигма), – воплощение иссушенного формализма, – уже более 10 лет находился в состоянии методологической неразберихи. В подобной кризисной ситуации интеллектуальные меньшинства экономических мыслителей начали предлагать свои идеи, и уже в 1990 г. был опубликован сборник «Экономическая теория и герменевтика», в который вошли научные статьи представителей австрийской школы, институционализма, «критического» марксизма и «риторического» подхода, разрабатываемого Д. Макклоски [13, с. 53; 14, с. 133; 15].

Не все представители австрийской школы с радостью восприняли зарождение экономической герменевтики. Если Л. Лахманн с надеждой смотрел на данное направление, то М. Ротбард считал тех экономистов австрийской школы, которые заинтересовались герменевтикой, ренегатами и отступниками. Неприязнь М. Ротбарда к герменевтике – «претенциозной болтовне», базирующейся на постмодернистском релятивистском походе в плане оценки экономических идей, может быть объяснена тем, что он считал данное научное направление производным от марксизма. Более того, по всей видимости, М. Ротбард вообще был критически настроен ко всей немецкой философии, наследующей Г.В.Ф. Гегелю – «прадедушке» герменевтики. Для М. Ротбарда были равнозначны такие понятия как нацизм или социализм, а К. Маркс для него был «великим герменевтиком», то есть «релятивистом». М. Ротбард опасался, что экономисты–герменевтики, утверждая, что нет ничего объективно истинного, могут воплотить в жизнь свои личные эстетические предпочтения, обосновав даже привлекательность социализма. Возможно, что неприязнь М. Ротбарда (по происхождению русско-польского еврея) к герменевтике подстегивалась его этнической принадлежностью, наиболее ярко проявившейся, когда лидер экономистов-герменевтиков Д. Лавуа в конце 1980-х гг. предпринял попытку объединить австрийскую экономическую теорию с философией Г.-Г. Гадамера, который вместе с М. Хайдеггером сильно испортили

себе биографию добровольным членством в организациях, возникших в 1920-30-х гг. в Германии [13, с. 48, 49, 52, 53, 56, 57]³.

Настороженное и даже неприязненное отношение к экономической герменевтике не есть только результат сугубо личных предубеждений отдельного представителя австрийской экономической теории. Отказ принять и признать данное новое научное направление объясняется общими системными характеристиками функционирования практически любой научной среды. Именитые ученые, чей авторитет общепризнан, обладают исключительными знаниями и репутацией, ценность которых может уменьшиться или вовсе сойти на нет, за счет морального устаревания, вызванного принятием новой прогрессивной парадигмы, нивелирующей значимость накопленного опыта. Поэтому «научный истеблишмент» в своих собственных интересах вынужден атаковать все новые теории как потенциальные угрозы своего монопольного привилегированного положения. К этому можно прибавить то, что «гранды» экономической науки и ведомое ими академическое сообщество отличаются консерватизмом в своих взглядах, поскольку не приемлют рисков, связанных с разработкой новых теорий, многие из которых могут быть, и скорее всего, точно будут, провальными. Последствия неудач от бесплодных работ с новыми идеями могут быть очень существенными, а выигрыш для тех, у кого уже все есть, не столь значимым, чтобы подвергать себя риску. В этом смысле догматизм западной буржуазной экономической науки ничем не уступал, но, возможно, даже превосходил догматизм советского марксизма [16, с. 538].

Таким образом, практически одновременный генезис экономической герменевтики в двух разных социально-экономических системах был реакцией на догматизм доминирующих научных школ – неоклассики и марксизма. В научной среде есть мнение о том, что между данными учениями, на самом деле, много общего. Так, Н. Калдор считал, что марксистская теория – это своего рода адаптация «теории прибавочного продукта» Д. Рикардо. Вместе с тем, неоклассические теории стоимости и распределения были выведены из теории ренты Д. Рикардо, поэтому и К. Маркс, и А. Маршалл могут считать Д. Рикардо своим предшественником [17, с. 87, 89]. Аналогичного мнения придерживается и норвежский экономист Э.С. Райнерт, отмечая, что коммунизм и либерализм – «это ... двоюродные братья, два абстрактных теоретических учения, витающих над тривиальными фактами реального мира» [18, с. 72].

Заключение. Экономическая наука по своей натуре герменевтична, поскольку, согласно меткому замечанию А.В. Аникина, «она позволяет понять или, по крайней мере, стремится истолковывать смысл внешне простых и повседневных, но жизненно важных для человека явлений» [8, с. 184]. Догматичным советскому марксизму и неоклассическому синтезу нужно отдать должное хотя бы за то, что они создали условия, в которых в очередной раз была продемонстрирована творческий потенциал научного сообщества экономистов. Разумеется, генезис экономической герменевтики может быть объяснен иначе. Скажем, постмодернизм как новая философская парадигма, возникшая во второй половине XX в. и характеризующаяся властью языка (текста) и культурным релятивизмом, мог также повлиять и на «лингвистический, языковой поворот» в экономической науке. Пожалуй,

³ Г.-Г. Гадамер состоял в Нацистском союзе учителей с 1933 г. В ноябре того же года он и еще примерно 900 учёных и преподавателей подписали «Заявление профессоров немецких университетов и вузов о поддержке А. Гитлера и национал-социалистического государства». Хотя Г.-Г. Гадамер и не был политически активен в период Третьего рейха, вопрос об отношении философа к нацистской власти является до сих пор спорным.

С М. Хайдеггером все сложнее: 21 апреля 1933 г., после прихода нацистов к власти, он на год становится ректором Фрайбургского университета, а 1 мая того же года вступает в НСДАП и начинает принимать активное участие в политической деятельности. М. Хайдеггер произносит речи, направленные на интеграцию университета в нацистское государство и активно пользуется нацистской риторикой. М. Хайдеггер остаётся членом НСДАП до самого окончания Второй мировой войны. Однако на практике единственное реальное участие М. Хайдеггера в угнетении евреев нашло выражение в том, что он не пришел на похороны своего учителя Э.Г.А. Гуссерля, и в том, что он имел двух любовниц-евреек: Элизабет Блохманн и Ханна Арендт.

самым ярким проявлением постмодернизма в экономической теории стало учреждение в 1968 г. Шведским государственным банком Премии по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля. Разумеется, Нобелевская премия по экономике не задумывалась как постмодернистский проект, но она стала таковым, поскольку институционализировала относительный характер истины в экономической науке на самом высоком уровне. Награждение за выдающиеся достижения в области экономических наук концептуальных оппонентов, которые придерживались противоположных взглядов на проблемы экономического развития, институты, экономическую политику и устройство финансовых рынков, дело вполне обычное.

Однако постмодернизмом можно объяснить практически все, что угодно. Поэтому гипотеза генезиса экономической герменевтики как следствие постмодернизма носит несколько метафизический характер. Таким образом, авторы решили описать конкретные исторические условия возникновения экономической герменевтики, пытаясь построить объективную историю развития данного научного направления. В заключении стоит отметить, что экономическая герменевтика, бесспорно, является достойным дополнением ко всем существующим направлениям экономической науки, сохранение и приумножение разнообразия которых позволит постичь многие ключевые проблемы нашего времени.

Список литературы:

- [1] Черемисинов Г.А. Парадигма директивно-плановой экономики: российский опыт хозяйственных преобразований: в 2 ч. Ч. 2. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 460 с.
- [2] Бегичева С.В., Назаров Д.М. Экономическая герменевтика // Известия УрГЭУ. 2014. № 2(52). С. 18–27.
- [3] Ядгаров Я.С. Политико-экономический феномен российской школы экономической мысли // Вестник финансового университета. 2017. Т. 21, №3. С. 84–93.
- [4] Широкоград Л.Д. Влияние идеологии на развитие политической экономики в СССР в 1920-1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2010. № 1. С. 77–81.
- [5] Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
- [6] The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 1975. The Official Web Site of the Nobel Prize: [site]. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1975/summary/> (дата обращения: 10.11.2022).
- [7] Ореховский П.А. Авторитетный дискурс российского экономиста // Общественные науки и современность. 2015. №6. С. 97–115.
- [8] Аникин А. В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. – М., Политиздат, 1975. 384 с.
- [9] Черемисинов Г.А. О толковании трудовой теории стоимости: экономическая герменевтика. – Саратов: Саратовский областной институт усовершенствования учителей, 1994. 200 с.
- [10] Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 94 с.
- [11] Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. – СПб.: Алетейя, 2020. 436 с.
- [12] Рязанов В.Т. Понимание и истолкование в экономической науке: роль языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2008. № 4. С. 3–21.
- [13] Rothbard M. N. The Hermeneutical Invasion of Philosophy and Economics // Review of Austrian Economics. 1989. Vol. 3. no 1. P. 45–59.
- [14] Lachmann L. M. Austrian economics: A hermeneutic approach // Economics and hermeneutics / ed. by D. Lavoie. London; New York: Routledge, 1991. P. 132–143.
- [15] Economics and Hermeneutics. London, New York: Routledge, 1991. 323 p.
- [16] Stigler G. J. Nobel Lecture: The Process and Progress of Economics // Journal of Political Economy, 1983, Vol. 91, no. 4, pp. 529–545.
- [17] Kaldor N. Alternative Theories of Distribution // The Review of Economic Studies. 1955 – 1956. Vol. 23, no. 2, pp. 83–100.
- [18] Райнерт, Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 384 с.

REFLECTIONS ON HOW SOVIET MARXISM GENERATED ECONOMIC HERMENEUTICS

Anastasia S. Volkova

Faculty of Economics, Department of Economic Theory and National Economy, Saratov State University, Saratov, Russian Federation, e-mail: volkova06478@yandex.ru

Cyril V. Fenin

Faculty of Economics, Department of Economic Theory and National Economy, Saratov State University, Saratov, Russian Federation, e-mail: krill.fenin@mail.ru

Abstract

This paper is an analysis of the factors of emergence and development, that is, the genesis of economic hermeneutics. The trajectory of the development of Russian (Soviet) economic science is briefly described. The stereotypical ideas about the total ideological unification of economic science in the USSR during the dominance of Soviet Marxism are being critically rethought. It is shown that the Soviet political economy is an interesting complex special case of the development of economic scientific knowledge, which was subject to specific political requirements from state power structures. In addition to the problem of the genesis of economic hermeneutics in the USSR, the conditions for the emergence and development of a similar scientific direction in the West (in the USA) within the framework of the (neo)Austrian school of economics are considered as a possible reaction to the dogmatism of the neoclassical mainstream. The ambiguous attitude to economic hermeneutics among some economists is described. The general reasons for the conservatism of the establishment of economic science are investigated. An assumption is made about the presence of similar features between Marxism and neoclassical theory. It has been proven that economics is hermeneutic in nature, so the emergence of economic hermeneutics was quite natural. A different explanation of the genesis of economic hermeneutics as a reaction, a consequence of the advent of the era of postmodernism is proposed. The establishment of the Alfred Nobel Memorial Prize of the Swedish State Bank for Economic Sciences is also interpreted by the authors as a consequence of the dominance of the scientific and cultural paradigm of postmodernism. It is noted that economic hermeneutics is an important addition to all areas of economic science, the preservation and enhancement of the diversity of which will make it possible to comprehend many of the key problems of our time. The materials of the article can be used to teach the history of economic thought.

Key words: Russian economic school; Soviet Marxism; economic hermeneutics; mainstream; scientific potential.

References

- [1] Cheremisinov G.A. *Paradigma direktivno-planovoi ekonomiki: rossiiskii opyt khoziaistvennykh preobrazovaniy: v 2 ch. Ch. 2.* Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2013. 460 p.
- [2] Begicheva S. V. Nazarov D. M. Economic Hermeneutics. *Izvestiia UrGEU.* 2014. vol. 2, iss.52, pp. 18-27.
- [3] Yadgarov Y. S. Politico-economic Phenomenon of the Russian School of Economic Thought. *Bulletin of the Financial University.* 2017. T. 21. Vol. 3. pp. 84-93.
- [4] Shirokorad L.D. Influence of Ideology on the Development of Political Economy in the USSR in 1920-1930s. *Vestnik SPbSU. Ekonomika.* 2010. iss. 1. pp. 77-81.
- [5] Leontief W. *Ekonomicheskie esse. Teorii, issledovaniia, fakty i politika* [Essays in Economics: Theories, Theorizing, Facts, and Policies]. Moscow, Politizdat, 1990. 415 p. (in Russian).
- [6] *The Official Web Site of the Nobel Prize.* Site. Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1975/summary/> (accessed 10 June 2022).
- [7] Orekhovsky P. Authoritative Discourse of Russian Economist. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'.* 2015. vol. 6, pp. 97–115.
- [8] Anikin A.V. *Iunost' nauki. Zhizn' i idei myslitelei-ekonomistov do Marksa.* Moscow, Politizdat, 1975. 384 z.
- [9] Cheremisinov G.A. *O tolkovanii trudovoi teorii stoimosti: ekonomicheskaiia germenevtika.* Saratov: Saratovskii oblastnoi institut usovershenstvovaniia uchitelei, 1994. 200 p.

Fortus: экономические и политические исследования, 1 (19) 2023

- [10] Stalin J. Economic Problems of Socialism in the USSR. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1952. 94 p.
- [11] Ryazanov V.T. *Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza* [Modern Political Economy: Prospects for a Neo-Marxist Synthesis]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2020, 436 p. (in Russian).
- [12] Ryazanov V.T. [The understanding and interpretation in the economic science: the role of language]. Vestnik SanktPeterburgskogo universiteta. Seriya 5. Ekonomika. 2008. No. 4. Pp. 3–21. (in Russian).
- [13] Rothbard M.N. The Hermeneutical Invasion of Philosophy and Economics. Review of Austrian Economics. 1989. Vol. 3. No. 1. P. 45–59.
- [14] Lachmann L. M. Austrian economics: A hermeneutic approach // Economics and hermeneutics / ed. by D. Lavoie. London; New York: Routledge, 1991. P. 132–143.
- [15] Economics and Hermeneutics. London, New York: Routledge, 1991. 323 p.
- [16] Stigler G. J. Nobel Lecture: The Process and Progress of Economics // Journal of Political Economy, 1983, Vol. 91, No. 4, pp. 529–545.
- [17] Kaldor N. Alternative Theories of Distribution // The Review of Economic Studies. 1955 – 1956. Vol. 23, No. 2, pp. 83–100.
- [18] Raynert. E. Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi [How rich countries got rich ... and why poor countries stay poor] M.: Izd. Dom. Gos. un-ta – Vysshey shkoly ekonomiki, 2016. 384 p. (in Russian).

Поступила 01.03.2023

После рецензирования 16.03.2023

Принята 25.03.2023

Received 01.03.2023

After reviewing 16.03.2023

Accepted 25.03.2023